

РАСЫ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

В. П. Алексеев

В современных историко-этнографических и археологических исследованиях широко используются антропологические данные как для подтверждения и дальнейшего обоснования научных выводов, так и для непосредственного изучения многих этнических явлений и процессов: древних миграций, генетических связей между народами, проблем этногенеза. Антропология сделала большие успехи, особенно в области изучения рас, то есть в части, тесно связанной с конкретной историей человеческих коллективов. Она разрабатывает новые методы исследования и предлагает вниманию историков все больше данных, с помощью которых можно получить дополнительную и часто уникальную информацию исторического характера. Этим оправдывается рассмотрение основных аспектов расообразования в современной антропологии применительно к задачам и нуждам исторической науки.

Истоки представлений о человеческих расах уходят в седую древность. Уже древние египтяне изображали на фресках своих соседей во всем неповторимом своеобразии их антропологического облика. Путешественники, историки Древней Греции и Древнего Рима, характеризуют североафриканские и переднеазиатские племена, часто отмечали их физические отличия от населения юга Европы. В древних китайских хрониках, переведенных на русский язык Иакинфом Бичуриным, описывается не только культура народов, живших по соседству с Китаем, но и их физический тип, несходный с типом китайцев. Разумеется, все эти отрывочные наблюдения составляют лишь предысторию науки, однако они свидетельствуют о том, что физические различия людей издавна привлекали к себе пристальное внимание и представляли интерес для всех народов, начиная, во всяком случае, с эпохи возникновения первых государств¹. Многие из этих наблюдений сохраняют свое значение и поныне, так как касаются народов, о физическом облике которых мы не имеем никаких иных сведений.

Расширение географического кругозора в средние века и особенно в эпоху Возрождения, ознакомление европейцев с африканскими народами и американскими индейцами благотворно сказались на развитии представлений о расах. Сообщения путешественников показали изумленным европейцам исключительное многообразие вариаций физического типа человека. К концу XVII в. относится первая попытка разобраться в этом многообразии и свести противоречивые описания в какую-то схему. Первая классификация человеческих рас принадлежала перу из-

¹ См. F. Champollion. Monuments de l'Egypte et de la Nubie. Notices descriptives. T. I—II. P. 1844. См. также K. Poole. The Egyptian Classification of the Races of Man. «The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland». Vol. XVI. 1887. Общей подборки сведений, приводимых древними авторами, нет. Отдельные отрывки см. E. von Eickstedt. Die Forschung am Menschen. T. I. Geschichte und Methoden der Anthropologie. Stuttgart. 1940. Там же дан указатель литературы.

вестного французского путешественника Франсуа Бернье и была опубликована в 1684 году. Бернье различал четыре расы: европейскую, негритскую, монголоидную и лапландскую. Американских индейцев он считал близкими к европейцам. Любопытно, что, за исключением населения Лапландии (лопарей), споры об антропологическом типе которого идут и по сей день, классификация Бернье (появившаяся, кстати сказать, до знаменитой классификации растений и животных Линнея) стала основой подавляющего большинства последующих классификаций.

С XVIII — первой половины XIX в. начали предприниматься экспедиции в удаленные уголки земного шара, сбор сведений о народах, до того не соприкасавшихся с европейцами. Постепенно расширялась фактическая база исследования человеческих рас, и многообразие обнаруженных антропологических типов уже не могло быть уложено в трехчленную или четырехчленную схему, предложенную Бернье (который и сам отмечал значительные антропологические различия, существующие между населением европейских стран и различных районов Африки). В первой половине XIX в. ученые пытались выделить локальные варианты внутри каждой расы. Физические различия часто переплетались при этом с языковыми и культурными, и многие второстепенные расы выделялись, исходя из лингвистических и этнографических критериев. К концу первой половины XIX в. относится оформление антропологии как самостоятельной науки и разработка антропологической методики. В это же время возникают и антропологические общества во всех крупнейших европейских странах. К этому периоду относится и выход в свет первого серьезного руководства по расам, написанного крупнейшим французским антропологом П. Топинаром и основанного на точных количественных характеристиках антропологического типа различных народов².

Применение учения Дарвина в антропологии, и в частности в учении о расах, первые находки костных остатков ископаемых предков человека, сделанные в конце прошлого века, в корне изменили суть расоведческих исследований. Главенствующее место в них заняла и продолжает занимать проблема происхождения и истории рас. Основным в расовых классификациях, как и вообще в биологических классификациях, стал филогенетический принцип, то есть группировка рас по действительному родству, а не по морфологическому сходству. В современной антропологии учение о расах — один из узловых разделов науки, отражающий уровень ее методики и методологии и свидетельствующий о связи антропологии с другими дисциплинами: теорией эволюции, филогенией животного мира и генетикой (происхождение рас и теория расоведения), морфологией и анатомией человека (возникновение и характер расовых различий), историей, археологией и этнографией (использование антропологического материала в качестве исторического источника). Изучение антропологического состава земного шара можно считать к настоящему времени в основном законченным. Имеющиеся лакуны постепенно исчезают, и недалеко то время, когда их совсем не останется³. Обилие фактических данных способствовало интенсивному обсуждению и даже

² P. Topinard. *Eléments d'anthropologie générale*. P. 1877. Русский перевод: П. Топинар. *Антропология*. СПб. 1879.

³ Полного обзора многообразных связей антропологии с другими науками нет. Теория расоведения и использование антропологического материала как исторического источника частично освещены в работе Я. Я. Рогинского, М. Г. Левина «Антропология». М. 1963. История изучения рас тесно связана с историей антропологии в целом. Историю антропологии см. Б. Н. Вишняковский. *Естественная история человека (Очерк исторического развития антропологии)*. «Вселенная и человечество». Кн. 5. Л. 1928. Исчерпывающая сводка накопленных данных пока отсутствует. Лучшие обзоры, хотя и несколько устаревшие: B. Lundman. *Umriss der Rassenkunde des Menschen in geschichtlicher Zeit*. Kopenhagen. 1952; R. Biasutti. *Razze i popoli della terra*. T. I—IV. Torino, 1953—1960.

частичной ревизии кардинальных положений теории расоведения, породило острую дискуссию между представителями различных школ по основам расовой классификации и главным аспектам расы как биологической категории, содействовало выдвижению вопросов, не ставившихся до сих пор антропологами⁴.

Несмотря на значительные расхождения во мнениях представителей отдельных научных школ в подходе к расе, можно заметить две определенные и прямо противоположные тенденции: «индивидуализирующую» («индивидуально-типологическую», «типологическую» или «таксономическую» — все термины равноценны) и «популяционную», или «популяционистскую»⁵. Первая имеет столетнюю давность. Еще на заре расоведческих исследований предполагалось, что каждый индивидуум, относящийся к определенному антропологическому типу, несет в своем строении все без исключения отличительные особенности этого типа. Поэтому первые исследователи расового состава далеких экзотических стран удовлетворялись обычно измерением и описанием нескольких индивидуумов для того, чтобы получить представление об их расовом типе. Постепенно такой элементарный подход был заменен более научным — изучались большие контингенты населения, при этом принадлежность к тому или иному из существующих антропологических типов не определялась на каждом индивидууме. Однако теоретическая платформа самого исследования оставалась прежней и итогом его был подсчет процентного содержания различных антропологических типов в рассматриваемой группе. Что же касается антропологического изучения древнего населения, то здесь в связи с выборочным и обычно очень немногочисленным палеоантропологическим материалом, который попадает в руки ученого после раскопок древних могильников, почти в неприкосновенности сохранилась методика первых исследований середины прошлого века. Для каждого изучаемого черепа выясняется принадлежность к определенному антропологическому типу, затем подсчитывается процент представителей каждого типа в каждой исследуемой серии, последние же сравниваются между собой по процентному распределению типов (этот метод наиболее широко применяется в СССР и Польше).

Сторонники индивидуально-типологической концепции расы потратили много сил для доказательства того, что отличительные признаки расы передаются по наследству целым комплексом, иными словами, тесно взаимосвязаны в процессе наследования, и индивидуум, принадлежащий к определенному антропологическому типу, передает этот тип в неизменном виде своему потомству. Однако генетические данные свидетельствуют об относительно независимой передаче по наследству расовых признаков⁶. Отличительные признаки расовой принадлежности у определенного индивидуума могут комбинироваться самым причудливым образом, и поэтому его трудно или невозможно бывает отнести к определенной расе. Генетические представления нашли подтверждение и в морфологии рас. Например, для населения Скандинавии, относящегося к северной ветви европеоидной расы, характерны светлые волосы и

⁴ См. В. П. Алексеев. Факторы расообразования, методы расового анализа, принципы расовых классификаций. «Советская этнография», 1964, № 4; его же. Теория расоведения на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. «Советская этнография», 1965, № 2.

⁵ См. дискуссию по теоретическим вопросам расообразования «Issues in the Study of Race: Two Views from Poland, with Discussion». «Current Anthropology», 1962, vol. 3, № 1.

⁶ О генетических представлениях сторонников индивидуально-типологической концепции см. I. Czekanowski. The Theoretical Assumptions of Polish Anthropology and the Morphological Facts. «Current Anthropology». 1962, vol. 3, № 5. О противоречии их генетическим данным, помимо указанных работ, см. Г. Ф. Дебец, М. В. Игнатъев. О некоторых вариационно-статистических методах расового анализа в буржуазной антропологии (школа Чекановского). «Труды Института антропологии МГУ», Вып. IV. Наука о расах и расизм. 1938.

серые или голубые глаза, но и здесь изредка встречаются темноглазые люди. Наоборот, в Грузии голубоглазые и сероглазые составляют небольшой процент, основная же масса населения имеет темные глаза. Такие примеры можно было бы приводить бесконечно, и все они свидетельствуют о несовершенстве индивидуально-типологической концепции расы. Эти обстоятельства вызвали к жизни иной подход к расе — популяционный, оформившийся в 1950 г., когда в США был проведен известный симпозиум по происхождению человека и расообразованию⁷, на котором говорилось о большом количестве фактов, продемонстрировавших независимое наследование расовых признаков и значительную изменчивость рас в пространстве и времени. Однако в советской антропологической литературе многие положения популяционной концепции расы были сформулированы еще в 1938 г. в содержательной статье В. В. Бунака⁸.

Согласно этой концепции, раса рассматривается не как простая сумма индивидуумов тождественного или почти тождественного морфологического облика, а как популяция, как сообщество со своей спецификой и своими закономерностями, то есть такая совокупность людей, в которой проявляются вероятностные закономерности сочетаний признаков вследствие их независимого комбинирования в процессе наследования. Отсюда определение расового типа индивидуума становится бессмысленным. Динамизм популяционной концепции, признание резкой изменчивости расовых признаков и текучести самого понятия «раса» привлекли к ней не только многих антропологов, но и генетиков. На совещании по биологическим аспектам расовой проблемы, организованном ЮНЕСКО в августе 1964 г. в Москве, именно популяционная концепция легла в основу принятой декларации, подписанной и советскими специалистами⁹. Однако распространение популяционного подхода на расу имеет и свои темные стороны. Некоторые генетики, особенно изучающие наследование и вариации физиологических признаков, возражают против правомерности понятия «раса», принимая ее изменчивость за неопределенность расовых границ, а переходы между расами — за невозможность выделить характерный для данной расы преобладающий комплекс признаков¹⁰. Это негативное отношение к реальному существованию рас встречает обоснованные критические возражения со стороны самих приверженцев популяционной концепции¹¹. Однако на практике отрицательные моменты этой теории все же не преодолены: проведение популяционного подхода в конкретном исследовании сталкивается со многими пока непреодолимыми трудностями. Таковы два противоположных взгляда на человеческие расы, господствующие в современной антропологии. Без сомнения, можно сказать, что будущее принадлежит популяционной концепции. Но сейчас она находится в стадии разработки, что затрудняет последовательное применение ее в конкретных расоведческих исследованиях.

Вопрос о происхождении современных рас в общей форме ставился со времени возникновения проблемы, но осязаемую конкретность он приобрел только за последние 30 лет благодаря многочисленным находкам костных остатков ископаемых предков современного человека и накоплению обширных палеоантропологических материалов по более поздним эпохам. В первую очередь необходимо было выяснить центры воз-

⁷ «Colg Spring Harbor Symposia on Quantitative Biology». Vol. 15. Origin of Man. N. Y. 1950.

⁸ В. В. Бунака. Раса как историческое понятие. «Труды» Института антропологии МГУ. Вып. IV. Наука о расах и расизм. 1938.

⁹ «Советская этнография», 1965, № 1.

¹⁰ См., например, F. Livingstone. On the Non-Existence of Human Races. «Current Anthropology», 1962, vol. 3, № 3.

¹¹ T. Dobzhansky. Comments on Livingstone's Paper. «Current Anthropology», 1962, vol. 3, № 3.

никновения современного человека, в отношении чего до сих пор продолжается дискуссия между сторонниками полицентристской и моноцентристской гипотез. Полицентристская гипотеза в достаточно конкретной и разработанной форме впервые была сформулирована известным исследователем костных остатков синантропа Ф. Вайденрайхом¹². Он исходил из представления о четырех крупных расовых стволах: европеоидном, монголоидном, негроидном и австралоидном — и соответственно этому наметил четыре независимые линии эволюции от древнейших людей к современным — в Европе, Африке, Восточной Азии и Юго-Восточной Азии, включая Индонезию. Каждой из этих независимых ветвей соответствовали свои предковые формы: для монголоидов — синантроп, для австралоидов — питекантроп, для негроидов — африканские неандертальцы, для европеоидов — европейские неандертальцы. К. Кун, принявший во внимание все новые данные¹³, продолжил разработку полицентристской гипотезы. Негроидный ствол он разделил на два и поэтому выделил пять независимых центров возникновения современных рас. Но главный его вывод сводился к удревнению независимых ветвей и подчеркиванию изоляции между ними — вот почему такая интерпретация Куна сомкнулась с давно отвергнутым наукой представлением о происхождении современных рас от разных видов антропоморфных обезьян и подверглась справедливой критике¹⁴.

Гипотезу оформления рас уже после появления человека современного вида, иными словами, возникновения их в одном центре, защищали многие антропологи, но особенно обстоятельно ее аргументировал советский ученый Я. Я. Рогинский в форме гипотезы «широкого моноцентризма»¹⁵. Согласно этой гипотезе, область возникновения современного человека, а следовательно, и современных рас — Восточное Средиземноморье, Передняя и Южная Азия. Проведенный морфологический и статистический анализ показал, например, отсутствие специфического сходства между современными монголоидами и синантропом, между тропическими расами и африканскими неандертальцами. Известная нейтральность морфологического типа верхнепалеолитических людей, у которых, по мнению Я. Я. Рогинского, признаки современных рас выражены слабее, чем сейчас, также была истолкована как аргумент в пользу моноцентристской гипотезы. Хорошо продуманная и стройная концепция Я. Я. Рогинского имела многих последователей и получила почти всеобщую поддержку на совещании по проблеме происхождения современного человека, проведенном в Москве в 1949 году.

Однако дальнейшие исследования показали, что и эта гипотеза не в состоянии удовлетворительно объяснить все имеющиеся факты. По статистическим расчетам самого Я. Я. Рогинского, наибольшее сходство европейские неандертальцы (их он считает боковой ветвью эволюции, мало повлиявшей на формирование современного человека) обнаруживают как раз с европейскими расами. Изучение строения зубов современных монголоидов и синантропа выявило целый комплекс общих признаков, совпадение которых может быть объяснено только прямой генетической преемственностью¹⁶. Наконец, обширные археологические исследования, проведенные на разных материках, показали постепенный и закономерный переход от нижнего палеолита к верхнему во мно-

¹² F. Weidenreich. The Skull of *Sinanthropus pekinensis*, a Comparative Study on a Primitive hominid skull. «Palaeontologia Sinica». New Series D, № 10. Peking. 1943.

¹³ C. Coon. The Origin of Races. L. 1963.

¹⁴ См. об этом «Current Anthropology», 1963, vol. 4, № 4; «Anthropologica» (New Series), 1963, vol. V, № 1.

¹⁵ Я. Я. Рогинский. Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас. М. 1949.

¹⁶ А. А. Зубов. Некоторые антропологические аспекты морфологии постоянных больших коренных зубов современного человека. Автореферат диссертации. М. 1964.

гих областях Европы, Китая¹⁷ и др. Эти факты свидетельствуют в пользу полицентризма, хотя в настоящее время окончательный выбор между двумя гипотезами происхождения рас сделать трудно.

Адаптивный характер расообразования говорит об интенсивной связи этого процесса с географической средой, условия которой либо непосредственно воздействовали на расообразование, формируя приспособительный комплекс признаков, либо влияли на него косвенно, изолируя отдельные этнические группы (например, в горных местностях) или, наоборот, благоприятствуя передвижению населения и этническим контактам. Это обстоятельство позволяет выделить очаги расообразования, то есть территории, отличавшиеся специфическими географическими условиями и поэтому определенным образом влиявшие на расообразование. Прерывистость ландшафтных единиц способствовала дискретности расообразования. Первоочередная задача антропологов — выделить первичные зоны расообразования, в пределах которых формировались основные расовые стволы человечества, первичные очаги расообразования. Разумеется, число последних должно совпадать с количеством центров формирования рас. Однако в процессе освоения человеком ранее незанятых территорий расообразование расширяло свои границы, и это вело к образованию вторичных очагов расообразовательного процесса. То же самое происходило и при смешении рас. Представить полную и точную картину очагов расообразования пока мешает недостаточное количество данных. Мы попытаемся обрисовать ее в целом.

Археологические памятники нижнепалеолитической эпохи могут быть подразделены на две географические группы¹⁸. Одна охватывает Южную Европу, Северную Африку, южные районы европейской части СССР, Переднюю Азию, частично Индию, частично Юго-Восточную Азию и Индонезию. Здесь обнаружен сходный комплекс инвентаря (в основном ручные рубила), отличительной чертой которого является двусторонняя обработка орудий. Весьма своеобразна нижнепалеолитическая индустрия Африки, но и там традиция изготовления двусторонне обработанных орудий выражена достаточно отчетливо. Вторая группа охватывает Азию (Восточную, частично Центральную, некоторые районы Юго-Восточной). Основная форма орудия, представленная здесь, — грубые орудия, не имеющие столь определенной формы, как ручное рубило, и получившие наименование чопперов¹⁹. Таким образом, археологические исследования дают возможность наметить двойное деление первоначальной эйкумены и выделить две громадные зоны, населению которых были свойственны в эпоху нижнего палеолита своеобразные производственные навыки и традиции в изготовлении каменных орудий, а значит, и какое-то этническое своеобразие. Не исключено, что определенные следы этого древнейшего периода в истории человечества выявляются в строе языков, среди которых некоторые специалисты выделяют в пределах всего человечества две группы: юго-западную, или афревианскую, и северо-восточную, или амерзианскую²⁰.

¹⁷ Г. П. Григорьев. Начало верхнего палеолита и возникновение *Homo sapiens* в Европе и на Ближнем Востоке. Автореферат диссертации. Л. 1965; У Ж у - к а н, Н. Н. Чебоксаров. О непрерывности развития физического типа, хозяйственной деятельности и культуры людей древнего каменного века на территории Китая. «Советская этнография», 1959, № 4.

¹⁸ H. Movius. Early Man and Pleistocene Stratigraphy in Southern and Eastern Asia. «Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology», 1944, vol. XIX, № 3; В. С. Сорокин. Об одной ошибочной концепции в вопросе происхождения человечества. «Советская этнография», 1958, № 1.

¹⁹ В. Е. Ларичев. К вопросу о локальных культурах нижнего палеолита в Восточной и Центральной Азии. «Археология и этнография Дальнего Востока». Сборник статей. Новосибирск. 1964.

²⁰ С. П. Толстов. Проблема происхождения индоевропейцев и современная этнография и этнографическая лингвистика. «Краткие сообщения» Института этнографии АН СССР. Вып. 1. 1946.

Эти археологические наблюдения можно подтвердить некоторыми морфологическими факторами. Развитие расовых признаков в онтогенезе происходит по-разному в пределах крупных расовых типов²¹. У европейцев и негров расовые различия наиболее четко проявляются у взрослых индивидуумов, тогда как дети негров и европейские дети различаются в меньшей степени. Не то у монголоидов. Отличительные признаки монголоидной расы резче всего выражены у детей. Исходя из этих данных, можно предположить, что эти три ствола разошлись не в одно время и что отличия монголоидов от представителей двух других рас имеют более глубокую морфологическую специфику, чем различия между европейцами и неграми. Такая специфика свидетельствует и о хронологически более раннем отделении монголоидного ствола от общего корня, чем отделение негроидов и европеоидов. Очевидно, общий ствол, ведущий к современному человеку, распался на два — монголоидный и общий негро-европейский, или, как принято говорить, евроафриканский. Географически это соответствует восточной и западной частям экумены. Такая группировка основных расовых стволов и схема их истории может быть названа дицентристской.

Прямая генетическая связь, объединяющая синантропа и современные антропологические типы монголоидной, или восточной, ветви, проявляется в строении зубов. Исходная форма евроафриканского, или западного, ствола должна объединять отличительные признаки европейцев и негров, но в менее резкой, смягченной форме. По-видимому, исходное население напоминало по своим антропологическим особенностям австралийцев: австралоидные признаки четко выражены на древнейших ископаемых черепках верхнепалеолитических людей, найденных как в Африке, так и в южных районах Европы²². Для более ранней эпохи, когда эти области были заселены еще неандертальцами, исходный прототип представлен знаменитыми ископаемыми находками в Палестине, где в пещере Схул были обнаружены костные остатки неандертальцев, отличавшихся сочетанием европеоидных и австралоидных признаков²³.

На территории первичного западного очага выделяются два вторичных — в Тропической Африке шел процесс формирования негроидного комплекса признаков, в Европе — сложение европеоидных типов. Третий очаг расообразования сложился далеко на восток от Африки — в Австралии, где исходные протоевроафриканские типы в условиях изоляции претерпели, конечно, некоторые изменения. В пределах восточного первичного очага может быть выделен собственно восточноазиатский вторичный очаг, где сформировалась азиатская ветвь монголоидной расы, и американский очаг, куда переселились группы протомонголоидов, отличавшихся менее резко выраженными признаками монголоидной расы. Одни авторы выделяют внутри азиатской ветви монголоидного ствола два ответвления — тихоокеанскую и континентальную группы антропологических типов²⁴, некоторые группируют все эти более мелкие подразделения по-другому. Но и в том и в ином случае речь идет не о первичных или вторичных очагах, а скорее о локусах расообразования, внутри которых формировались в иерархическом отношении более крупные и более мелкие локальные типы. Таких локусов может быть выделено несколько в пределах каждого вторичного очага, в частности можно назвать области Приуралья и Зауралья, территорию Средней Азии и др.,

²¹ Я. Я. Рогинский. К вопросу о возрастных изменениях расовых признаков у человека (в утробном периоде и в детстве). «Труды» Института этнографии АН СССР (новая серия). Т. L. Антропологический сборник II. 1960.

²² Последний и наиболее полный обзор см. С. Сооп. *Op. cit.*

²³ A. Keith, T. McCown. *The Stone Age of Mt. Carmel. Vol. II. Oxford. 1939.*

²⁴ См. Н. Н. Чебоксаров. Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии. «Труды» Института этнографии АН СССР (новая серия). Т. II. 1947.

где распространены смешанные по своему происхождению группы расовых вариантов.

Накопление данных о древнейших этапах расообразования и его последующей истории помогает решить и проблему изменения расовых ареалов, чрезвычайно важную для исторической науки. В самом деле, открытие в какой-то области антропологических типов, которые трудно выявить при исследовании современного населения, свидетельствует о переселениях в древности этнических групп, а исследование генетических связей этих типов дает ответ и на вопросы этногенеза народов. Современная граница между европеоидами и монголоидами проходит по Уральскому хребту и затем спускается в Среднюю Азию. Однако палеоантропологические материалы, найденные на территории СССР, свидетельствуют о том, что эта граница в эпоху бронзы была сдвинута далеко к востоку, когда европеоиды заселяли всю степную зону СССР, включая и Сибирь. Волны европеоидов, распространяясь на восток, докатывались до Байкала и еще дальше — на территорию Тувы и Западной Монголии. Многочисленные древние китайские источники подтверждают, что на западных и частично на северных границах Китая были расселены племена, антропологический тип которых значительно отличался от коренных китайцев.

Представители монголоидной расы в эпоху неолита и бронзы имели более широкий ареал за счет лесной зоны. Палеоантропологический материал из могильника на Большом Оленем острове Онежского озера дает возможность утверждать, что в районах, прилегающих к Финскому заливу с юго-запада, в эпоху неолита жили люди с некоторыми отчетливыми чертами монголоидной расы²⁵. Это мнение подтверждается изучением скелетов из погребений культуры ямочно-гребенчатой керамики — древней неолитической культуры Восточной Прибалтики и севера европейской части СССР²⁶. Ряд монголоидных черт отличают костяки из неолитических погребений Северной и Центральной Германии. Любопытно, что очень небольшая примесь монголоидных элементов зафиксирована и в составе современного населения этих районов Германии, есть она и в составе населения Восточной Эстонии и Восточной Латвии²⁷. Таким образом, по лесной полосе представители монголоидной расы проникали в эпоху неолита из Сибири далеко на запад, и некоторые следы этого проникновения мы видим до сих пор в облике современного населения этих районов.

Ареал представителей тропического расового ствола также не оставался постоянным. Многие древнейшие палеоантропологические находки, обнаруженные на территории Центральной и Южной Африки, вызывают австралоидные черты. Это обстоятельство приводит к мысли, что на ранних этапах расообразования австралоиды имели более широкую зону расселения, нежели сейчас, и подтверждает справедливость высказанного выше суждения о формировании австралоидов в пределах западного африканского очага расообразования. Австралоидный комплекс признаков, как показала И. Швидецкая в докладе на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Моск-

²⁵ Г. Ф. Дебец. О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики. «Советская этнография», 1961, № 6.

²⁶ К. Ю. Марк. Палеоантропология Эстонской ССР. «Труды» Института этнографии АН СССР (новая серия). Т. XXXII. Балтийский этнографический сборник. 1956; М. С. Акимов. Новые палеоантропологические находки эпохи неолита на территории лесной полосы европейской части СССР. «Краткие сообщения» Института этнографии АН СССР. Вып. XVIII. 1953.

²⁷ См. Н. Н. Чебоксаров. Монголоидные элементы в населении Центральной Европы. «Ученые записки» МГУ. Вып. 63. Материалы по антропологии Восточной Европы. 1941; М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров. Этническая антропология Восточной Прибалтики. «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции». Т. 2. М. 1959.

ве в августе 1964 г., выступает в качестве реликта в современном населении Индии — преимущественно в изолированных группах, которые были оттеснены в джунгли²⁸. Но, пожалуй, еще большее значение имеет обнаружение австралоидной комбинации признаков на территории Китая. Палеоантропологический материал из неолитических могильников в междуречье Хуанхэ и Янцзы показал, что население этой обширной области в эпоху неолита имело широкий нос и выступающие вперед губы, то есть те признаки, которые характерны для австралоидов и негроидов²⁹. Цвет кожи и форма волос у этих людей неизвестны, но так как они связаны высокой положительной корреляцией с шириной носа и выступанием губ, то есть основания полагать, что и по цвету кожи и по форме волос люди, оставившие эти могильники на территории Китая, отличались от коренных китайцев. Стало быть, представители негро-австралоидных типов были расселены на землях, которые теперь занимают монголоиды.

Из всего сказанного можно сделать вывод: расовые ареалы не оставались постоянными, подвижность границ ареала того или иного расового ствола не исключение, а правило, отличительный признак расовых категорий у человека. Подвижность границ расовых ареалов свойственна не только ранним периодам истории человечества. Древность не знала о таких грандиозных по своим масштабам миграциях, как расселение монголоидов в эпоху «великого переселения народов» на рубеже нашей эры или в период монгольского нашествия, как расселение европеоидов по всем материкам вследствие экспансии европейцев в современных условиях. Подвижность границ между расами — все более усиливающаяся тенденция сегодняшнего развития человечества.

В современной антропологии раса рассматривается как изменчивая во времени, динамическая, текучая категория, как «эпизод в эволюции»³⁰, длящийся иногда тысячелетия, но неизбежно сменяющийся другим. Популяционная концепция расы, по сути дела, возникла как реакция на представления, согласно которым раса считалась неизменной категорией. Для подтверждения динамизма расовых категорий большое значение имеет направленное изменение признаков во времени. Уже в конце прошлого века многие авторы писали, что в горных местностях происходит расширение и округление формы головы, длинная голова (долихокефалия) сменяется круглой (брахикефальной) — процесс так называемой «брахикефализации». Этот процесс был свойствен населению древних эпох во многих районах земного шара и может быть проиллюстрирован путем сопоставления разновременных палеоантропологических серий. Позднее население по сравнению с ранним, с которым оно преемственно связано, оказывается более круглоголовым³¹. В тех областях, где на палеоантропологическом материале удастся проследить все основные этапы истории антропологических типов, — на территории европейской части СССР и в Южной Сибири, на Японских островах³² — зафиксировано постепенное увеличение черепного указателя (отношение

²⁸ См. В. П. Алексеев. Теория расоведения на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук.

²⁹ Jen Jün. Neolithic Human Skeletons Unearthed at Hua-Hsien, Shensi. «Vertebrata Paleasiatica», 1962, № 2.

³⁰ См., например, F. Hulse. Race as an Evolutionary Episode. «American Anthropologist», 1962, vol. 64, № 5, Part I.

³¹ Обзор данных см. F. Weidenreich. The Brachycapalization of Recent Mankind. «Southwestern Journal of Anthropology», 1945, vol. I, № 1.

³² Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. «Труды» Института этнографии АН СССР (новая серия). Т. IV. 1948; его же. О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида. «Советская этнография», 1961, № 2; H. Suzuki. Changes in the Skull Features of the Japanese People from Ancient to Modern Times. «Selected Papers of the Fifth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences». Philadelphia. 1956.

ширины головы к длине) по мере приближения к нашим дням. Особенно интенсивное увеличение черепного указателя происходило в эпоху средневековья. Однако этот процесс не является всеобщим: сопоставление современного населения Швейцарии с населением XVI—XVIII вв. показало, что здесь брахицефализация прекратилась два-три века тому назад и сменилась противоположной тенденцией. Незаметна брахицефализация на протяжении двух последних столетий и в Восточной Прибалтике, особенно в Латвии.

Увеличением (реже уменьшением) черепного указателя направленные изменения расовых признаков во времени не исчерпываются. Один из основных направленных процессов изменчивости — так называемая грацилизация (уменьшение ширины лица, массивности черепа, массивности и толщины костей). Этапы грацилизации не связаны с этапами брахицефализации, но в целом первая составляет такую же характерную тенденцию в изменении физического типа человека современного вида, как и округление головы, хотя грацилизация и не проявляется повсеместно. Интересный пример не уменьшения, а увеличения ширины лица в поздние эпохи по сравнению с ранними привел недавно М. Г. Абдушелишвили в отношении населения Кавказа³³. Не наблюдается расширения лица и у современного населения Армении при сравнении его с населением эпохи энеолита и бронзы. Редкий пример стабильности антропологического типа на протяжении тысячелетий демонстрируют палеоантропологические материалы из Египта. Антропологические различия между современными арабами и неолитическим населением долины Нила, отстоящим от современности на 5—6 тысяч лет, а то и больше, ничтожны, практически совсем отсутствуют. То же самое можно сказать, сравнивая антропологические данные современного и неолитического населения Северного Китая. Таким образом, в пределах эйкумены могут быть выделены отдельные участки, где сохраняется известная стабильность антропологических типов во времени.

Каковы причины изменений признаков? Наиболее общая гипотеза для брахицефализации, предложенная В. В. Бунаком, признает это явление следствием ускорения роста³⁴. Подобное объяснение может быть с таким же успехом перенесено и на грацилизацию. Ускорение роста и полового созревания — явление, достаточно хорошо зафиксированное в разных странах и связываемое с усложнением социальной среды человека³⁵. Однако весьма вероятно, что процесс ускорения роста и полового созревания почти не касается тех стран, где сохранились до недавнего времени, а иногда и теперь продолжают существовать архаические формы хозяйства и общественной жизни. Этим, видимо, и объясняется неравномерность изменения расовых признаков во времени в разных зонах эйкумены. Итак, расовые типы изменяются не только в процессе смещения человеческих коллективов, под влиянием адаптационных процессов и изоляции, но и от внутренних причин, в результате постепенной перестройки человеческого организма в ходе времени. В этом в первую очередь и выражается динамизм расовых категорий.

Сложное переплетение причин, определяющих соотношение расовых признаков, неравномерность изменений антропологических типов во времени приводят к асимметрии расообразовательного процесса: различие его форм на разных территориях и в пределах различных этнических групп зависит от того, какой из перечисленных выше расообразующих факторов получил преобладание над остальными. Наиболее типич-

³³ М. Г. Абдушелишвили. Об эпохальной изменчивости антропологических признаков. «Краткие сообщения» Института этнографии АН СССР. Вып. XXXIII. 1960.

³⁴ В. В. Бунак. Структурные изменения черепа в процессе брахицефализации. «Труды V Всесоюзного съезда анатомов, гистологов и эмбриологов». Л. 1951.

³⁵ См. обзор: В. С. Соловьев-а. Морфологические особенности подростков в период полового-созревания. Автореферат диссертации. М. 1966.

ны и чаще встречаются две формы или два модуса расообразования. Это можно проиллюстрировать посредством сравнительного рассмотрения антропологического состава народов Кавказа и русского народа. Как известно, Кавказ отличается исключительным многообразием форм рельефа. Высокие горы, глубокие горные ущелья, труднодоступные перевалы, бурные реки — все это издавна способствовало прочной изоляции отдельных этнических групп, приводило к разобщенности их культуры и дифференциации языков. По-видимому, именно этими специфическими условиями жизни при многовековой изоляции и объясняется многоязычие народов Кавказа. В этом же направлении действовал и широко распространенный здесь обычай эндогамии³⁶, усиливший изоляцию и разобщенность отдельных народов Кавказа. Антропологический состав народов Кавказа отразил эти длительные процессы географической и социальной изоляции. Для населения Северного и Центрального Кавказа, для Центрального и Восточного Закавказья характерны те или иные антропологические особенности, которые группируются в четко очерченные и морфологически специфичные типы, имеющие твердые ареалы и проявляющиеся у определенных народов. В разных антропологических классификациях выделяются под разными названиями четыре типа — понтийский (Северный Кавказ), кавкасионский (Центральный Кавказ), арменоидный (Армения, частично Грузия) и каспийский (Азербайджан). Представителя каждого из этих типов трудно спутать с другими. Таким образом, если говорить о модусе расообразования на Кавказе, то следует назвать его типологическим. При этой форме расообразования оно выражается в создании типов, то есть определенных комбинаций антропологических признаков, характерных для того или иного народа или группы народов и распространенных на четко очерченной территории. Географические границы каждого типа, как правило, не вызывают никаких сомнений³⁷.

В пределах Русской равнины нет сколько-нибудь заметных географических рубежей. Вся она заселена единым народом, и хотя в составе русских выделяются отдельные группы, которым свойственно этнографическое или диалектальное своеобразие, оно ни в коей мере не служит препятствием для взаимного общения и не приводит к социальной изоляции. Правда, в составе русского народа так же было выделено несколько антропологических типов, но они отличаются друг от друга менее резко, чем на Кавказе, связаны между собой цепочкой переходных форм и не имеют четких границ. Так называемая локальная изменчивость, имеющая место в каждой отдельной популяции и зависящая от случайных причин, затушевывает групповые типологические различия, и поэтому население отдельных областей не может быть с определенностью отнесено к тому или иному антропологическому типу³⁸.

Эти примеры не исчерпывают всего многообразия путей расообразовательного процесса. Но тем не менее они показывают, на какие основные зоны можно разделить эйкумену в зависимости от преобладающей формы расообразования. Типологическая изменчивость проявляется наиболее четко в Средней Азии, Индии, в Центральной и Южной Африке. Модус локальной изменчивости наиболее характерен для процессов расообразования в Северной Америке, Австралии, Полинезии. Таким образом, в классификацию рас вводится новый элемент: антропо-

³⁶ Некоторые исследователи считают обычай эндогамии основной причиной многоязычия народов Дагестана. См. Л. И. Лавров. О причинах многоязычия народов в Дагестане. «Советская этнография», 1951, № 2.

³⁷ Сводку данных по антропологии Кавказа см. М. Г. Абдушелишвили. Антропология древнего и современного населения Грузии. Тбилиси. 1964.

³⁸ Сводку данных по антропологии русского народа см. «Труды» Института этнографии АН СССР (новая серия). Т. 88. Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным. 1965.

логический состав человечества рассматривается не только как совокупность антропологических типов, как это делалось раньше, но и как сложная картина взаимодействия разных по своему содержанию процессов, в результате которых образуются и ясно очерченные антропологические типы и пучки их локальных вариантов, характеризующихся, как принято говорить в антропологии, морфологическим полиморфизмом, то есть заметными различиями между собой.

Первый строго научный и объективный критерий в классификацию рас был введен в середине XIX в., когда для оценки расовых признаков впервые было применено измерение. С тех пор задача подлинно объективной группировки расовых категорий состояла не только в том, чтобы как можно более тщательно классифицировать их родственные взаимоотношения, но и охарактеризовать их с помощью точных цифр. Это весьма трудно как из-за сложности исторического процесса, вызвавшего необычайное многообразие расовых типов, так и из-за того, что происхождение многих из них, их генетические взаимоотношения теряются во тьме времени. Поэтому до сих пор нет общепризнанной классификации антропологических типов человечества ни по форме (в терминологии царит разноречие), ни по существу (в количестве и способах соподчинения выделенных типов). Правда, объективность антропологической методики и все углубляющийся анализ расового состава человечества приводят к тому, что во многих классификациях выделяются под разными названиями сходные, а иногда и тождественные комплексы признаков, разные авторы одинаковым образом рисуют их происхождение и историю. Споры начинаются с самого главного для классификации рас вопроса: сколько основных расовых стволов должно быть выделено в составе современного человечества? Предшествующее изложение показывает, что автор склоняется к гипотезе двух основных ветвей: западной (или евроафриканской) и восточной (или монголоидной). Но эта гипотеза не является неоспоримой, хотя ее и защищают крупные и авторитетные специалисты³⁹. Другие весьма квалифицированные антропологи, придерживающиеся противоположной точки зрения, утверждают, что светлокотые и относительно светловолосые и светлоглазые расы северного полушария должны быть объединены и противопоставлены темнокожим расам южного полушария. Иными словами, европеоиды и монголоиды объединяются в одну ветвь, негроиды и австралоиды — в другую⁴⁰. Какая из этих двух точек зрения в конце концов восторжествует, смогут показать только будущие исследования.

В пределах основных расовых стволов разными авторами выделяются приблизительно от 30 до 40 типов или групп типов, соподчиняющихся между собой. Последовательность обозначений по мере понижения иерархического уровня в большинстве работ советских исследователей такова: большая раса, малая раса, группа антропологических типов, антропологический тип, локальный вариант. Во многих западно-европейских и американских работах три последние категории принято именовать географическими, микрогеографическими и локальными расами⁴¹. Но, по существу, самым важным является конкретная группировка, а не последовательность выделения иерархических единиц, поэтому почти все современные исследователи согласны в необходимости их соподчинения, отражающего реальные родственные связи рас на разных этапах расообразования. Не имея возможности разбирать все

³⁹ Я. Я. Рогинский. Человеческие расы. В кн.: В. В. Бунак, М. Ф. Нестурх, Я. Я. Рогинский. Антропология. М. 1941; Г. Ф. Дебес. Опыт графического изображения генеалогической классификации человеческих рас. «Советская этнография», 1958, № 4.

⁴⁰ A. Keith. A New Theory of Human Evolution. N. Y. 1949; R. Biasutti. Razze e popoli della terra. Vol. I. Torino. 1953.

⁴¹ См., например, S. G a r n, C. C o o n. On the Number of Races of Mankind. «American Anthropologist», 1955, vol. 57, № 5.

спорные случаи, укажем только, что их много и что расовые классификации значительно рознятся в деталях одна от другой⁴². До сих пор неясно, например, положение айнов, отличающихся своеобразным соотношением монголоидных и австралоидных признаков (не только морфологически, но и по группам крови) и в то же время близких к европеоидам по строению пальцев и ладонных линий. В составе тропической ветви дискуссионно положение, которое занимают в систематике пигмеи, и в частности вопрос о родстве африканских и азиатских пигмеев. Этот список неразрешенных вопросов можно было бы продолжать до бесконечности. Резюмируя, можно сказать, что расовый состав человечества детально изучен и ныне действующие классификации охватывают подавляющее большинство реально существующих антропологических типов. Однако тщательный анализ их генетического родства завершен далеко не полностью, и здесь возможны неожиданные открытия.

Раса — понятие историческое. И не только потому, что во многих, даже биологических аспектах расообразование обусловлено социальными историческими причинами. Исторический аспект расообразования, особый характер человеческих рас как биологических категорий проявляется и в том, что расы человека обладают своей спецификой и отличаются от рас животных, и в резком уменьшении роли селекции (естественного отбора в современную эпоху) в формировании как расовых признаков, так и отличительных особенностей человека современного вида вообще. Наиболее существенные различия рас человека от рас животных сводятся к нескольким чертам. Одна из них — резкие изменения ареалов, порою приводящие к их деформации и даже к полному отрыву расового типа от той зоны, в которой он сформировался. Примерами могут служить негры в США, европейцы на разных материках, кроме Европы. Причины таких явлений коренятся не в исконной подвижности и тяге к экспансиям одних рас по сравнению с другими, а в уровне развития производительных сил, темпах прироста населения, перенаселенности и других факторах сугубо исторического порядка. Выше мы рассмотрели, как изменились ареалы основных рас современного человечества по сравнению с неолитом. Еще подвижнее ареалы отдельных локальных вариантов. Подвижность границ расселения антропологических типов резко противопоставляет их расам животных, находящимся в устойчивом равновесии и редко меняющим ареалы без изменения условий среды или нарушения численности видов в биоценозе. Эта подвижность человеческих рас имеет своим следствием другое важное их отличие от рас животных — неограниченное смешение антропологических типов между собой. Действительно, в животном мире смешанные по происхождению расы образуются сравнительно редко и быстро вытесняются в процессе естественного отбора и дивергенции признаков. Напротив, у человека межрасовое смешение приобретает все большие масштабы, и в процессе этого смешения образуются самые разнообразные новые сочетания признаков, которые никогда не смогли бы сформироваться, если бы не миграции представителей разных антропологических типов на далекие расстояния. Наконец, устойчивое контролируемое естественным отбором равновесие приводит у животных к стабильности морфологического типа расы, который нарушается только при изменении давления селекции. У человека, как мы убедились, прогрессивное развитие социальной среды имело своим следствием ускорение роста и полового созревания, а это, в свою очередь, привело к направленному изменению признаков во времени и динамизму расовых комплексов. Таким образом, изменчивость самих рас как морфологических комплек-

⁴² Довольно полный обзор проблемы классификации рас у человека см. В. В. Бунак. Человеческие расы и пути их образования; Г. Ф. Дебец. Опыт графического изображения генеалогической классификации человеческих рас.

сов отличает расы человека от рас животных так же, как и подвижность расовых ареалов⁴³.

Всестороннее изучение антропологии самых разнообразных народов земного шара показало, что антропологические типы не совпадают с этническими общностями и что народ, как правило, включает в свой состав представителей разных антропологических типов. С другой стороны, один и тот же комплекс антропологических признаков часто бывает представлен в составе разных народов. На этом основании многие антропологи и специалисты смежных дисциплин весьма скептически оценивали возможности применения антропологических данных в историческом исследовании и реконструкции каких-либо исторических событий с помощью антропологических материалов. Хотя между принадлежностью к тому или иному антропологическому типу и этнической принадлежностью нет причинной зависимости, однако между ними существует связь, заключающаяся в том, что и расовые комплексы и этнические общности формировались на определенных территориях. Поэтому на заре истории человечества географическое совпадение между этими причинно независимыми явлениями — ареалами антропологических типов и ареалами этнических особенностей — было более заметно, чем в настоящее время. В силу этого обстоятельства возможен переход от истории антропологического типа к истории этнической общности, и трудность этого перехода тем меньше, чем к более древнему периоду времени относится палеоантропологический материал. В значительной мере именно этим моментом обусловлена особая роль антропологических данных для реконструкции исторических событий древнейшей дописьменной истории человечества⁴⁴.

Каковы те возможности исторической реконструкции, которые таит в себе антропологический материал? Прежде всего велика его роль для восстановления древних переселений человеческих коллективов. Археологические сведения также дают для этого некоторый материал, но он не допускает однозначного толкования, — по отношению к археологическому инвентарю никогда нет точной гарантии, что его сходство в разных археологических культурах свидетельствует о генетическом родстве носителей этих культур, а не является следствием культурных или торговых контактов. Антропологические данные позволяют перекинуть мост от современных народов к глубокой древности, тогда как никакие археологические, этнографические или лингвистические наблюдения не дают возможности проследить генезис народа до таких глубоких хронологических истоков. Именно поэтому так широко используется антропологический материал в работах по этногенезу. Наконец, для древних эпох палеоантропологические материалы, если они ведут свое происхождение из полностью раскопанных могильников, являются единственным источником сведений о демографической структуре популяции (продолжительности жизни, соотношении возрастов, детской смертности). Таким образом, для периодов бесписьменной истории человечества антропологические данные дают богатую и разнообразную информацию, помогающую осветить многие аспекты первобытной истории. В качестве примера использования антропологических материалов в изучении древних переселений людей, в частности заселения Америки, назовем сходство американских индейцев с азиатскими монголоидами, что в большей степени, чем все остальные факты, говорит об их азиатском происхожде-

⁴³ Подробнее об этом см. В. В. Бунак, *Раса как историческое понятие*; Я. Я. Рогинский, *Человеческие расы*; Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, *Антропология*.

⁴⁴ См. об этом Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова. *Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза*. «Советская этнография», 1952, № 1; Г. Ф. Дебец, *Расы, языки, культуры*. «Труды» Института антропологии МГУ. Вып. IV. *Наука о расах и расизм*. 1938.

нии, то есть в пользу гипотезы заселения Америки из Азии через Берингов пролив⁴⁵; тропические, южные черты в морфологическом типе верхнепалеолитического и мезолитического населения южных районов Русской равнины и Украины подтверждают его связи с югом, которые не прослеживаются убедительно больше ни на каких других материалах⁴⁶; антропологические данные времени позднего средневековья свидетельствуют о форпостах золотоордынских кочевников в марийской земле, на юге Украины, что не может быть показано даже с помощью исторических источников, несмотря на сравнительно небольшую хронологическую удаленность этого периода от современности⁴⁷.

Доказательство автохтонного развития народов Центрального Кавказа демонстрирует иной аспект применения антропологических данных в историческом исследовании. Осетины говорят на одном из языков тюркской языковой семьи, и поэтому их этногенез связывался с тюркским и иранским этническим миром. Однако антропологически осетины, балкарцы и карачаевцы очень сходны как между собой, так и с горными группами грузинского народа. Антропологические данные свидетельствуют о том, что этот антропологический тип имеет очень древнее происхождение и сформировался в пределах Кавказского хребта. Поэтому балкарцы, карачаевцы и осетины являются потомками не пришлых этнических групп, а местного населения, приобретшего под влиянием пришельцев лишь тюркскую и иранскую речь. Анализ их культуры под этим углом зрения выявил в ней много архаических черт, восходящих к местным этническим традициям, и позволил выделить в пределах Центрального Кавказа особую историко-этническую общность, охватывающую все центральнокавказские народы, несмотря на существующие внутри них языковые различия.

Исследования в области палеодемографии, основанные на палеоантропологическом материале, находятся пока на стадии накопления фактов и, к сожалению, проводятся еще не во всех странах. Поэтому имеющиеся данные выборочны, не охватывают достаточно обширных территорий и не могут быть использованы для характеристики различий в динамике продолжительности жизни у скотоводов и земледельцев или у сельского населения и населения древних городов. Однако уже сейчас они помогли установить факт фундаментального значения — увеличение продолжительности жизни, начиная с нижнего палеолита и до современности. Если средняя продолжительность жизни в эпоху палеолита была около 20 лет, в основном из-за сильнейшей детской смертности, то в неолите и в эпоху бронзы она повысилась до 25—30 лет и затем надолго замерла на этом уровне до эпохи средневековья. Только с эпохи средневековья она стала медленно подниматься вверх и затем сделала резкий скачок в конце прошлого века. Это объясняется, очевидно, подъемом культуры, ростом материального благосостояния в европейских странах и значительным улучшением медицинского обслуживания. В настоящее время постепенно накапливаются данные и для характеристики других палеодемографических показателей в их динамике: процента детской смертности, коэффициентов выживаемости, процентного соотношения полов и др. Даже беглый обзор разных аспектов применения антропологических сведений в историческом исследовании, несомненно, показывает необходимость более широкого обращения историков к ан-

⁴⁵ См. Н. Wormington. *Origins. Program of the History of America. Indigenious Period. Vol. 1, Part 1. Mexico.* 1953.

⁴⁶ Г. Ф. Дебец. Палеоантропологические находки в Костенках. «Советская этнография», 1955, № 1; И. И. Гохман. Население Украины в эпоху мезолита и неолита (антропологический очерк). М. 1966.

⁴⁷ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР; В. П. Алексеев. Палеоантропологический материал из Мари-Луговского могильника, «Труды Марийской археологической экспедиции». Т. II. Йошкар-Ола. 1962.

тропологическому материалу, успешность попыток антропологов извлечь из изучения скелетов древних людей и современного населения все более полную и разнообразную историческую информацию.

Антропологические исследования всегда были ареной жестокой идеологической борьбы. Иногда эта борьба принимала форму откровенных призывов к утверждению расового неравенства и в политической и в общественной жизни, иногда выливалась в более мягкие формы академического расизма, но и в том и в другом случае строго научные данные о строении тела представителей разных рас и их психических особенностях тенденциозно истолковывались в угоду той или иной расистской доктрине. После того, как морфологическими исследованиями неопровержимо была доказана ложность так называемого морфологического расизма, согласно которому отдельные антропологические типы или расы несли черты более низкой организации⁴⁸, расистская идеология приняла форму психорасизма⁴⁹.

Итак, раса, как историческая категория, изменяясь под влиянием многих исторических причин, сама (вопреки психорасизму) не оказывает влияния на уровень развития того или иного народа и, следовательно, на исторический процесс в целом. Определенность этого вывода — плод многочисленных и разнообразных исследований, проведенных в последние годы и демонстрирующих несостоятельность психорасистской методологии и методики. Многообразны аспекты изучения человеческих рас в современной науке. Эта область переживает сейчас период острых теоретических дискуссий. Антропология, с одной стороны, все теснее смыкается с биологией, используя ее методы и теоретические открытия. С другой стороны, все глубже взаимопроникновение истории и антропологии. Социальные причины многих биологических явлений у человека впервые начинают изучаться с необходимой конкретностью, антропологический материал все чаще отвечает на запросы исторической науки, и многие важные проблемы истории первобытного общества, развития народонаселения и этногенеза решаются с помощью антропологических данных. В этом все более тесном единении антропологии с науками как биологического, так и исторического профиля — тенденция развития науки сегодняшнего дня.

⁴⁸ См., например, H. Vallois. Preuves de l'origine monophyletique de l'homme. «L'Anthropologie», T. XXXIV. 1929; М. А. Гремяцкий. Признаки «высших» и «низших» рас и антропогенез. «Труды» Института антропологии МГУ. Вып. IV. Наука о расах и расизм. 1938.

⁴⁹ «Современная психология в капиталистических странах», М. 1963; Ю. П. Аверкиева. О некоторых этнопсихологических исследованиях в США. Сборник «Современная американская этнография». М. 1963.